

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Сама себе завидовала: сейчас приду в театр, и этот красивый милый мальчик одарит своей неповторимой широкой улыбкой, поддержит легкую веселую беседу и, может, даже возьмет в руки гитару и наплет беспечно: "На недельку до второго..."

Но то ли ранняя питерская зима была виновата, то ли холодная гримерка. Только оказалось, что Игорь Скляр — вовсе и не лучезарный. И от того веселого мальчика — что из джаза, что из Комарова — не было и следа. Серьезный и сосредоточенный. Куда что подевалось?

В декабре ему будет 40. Не мальчик — муж.

— Однажды у вас, Игорь, была счастливая возможность стать секс-символом этой страны. Но — не стали. Спокойно отдали эту роль другим — Меншикову, Машкову... Не жалеете?

— А что такое в вашем понимании "секс-символ"? Человек-фаллос? Мужчина, которого все хотят?

— Ну, обаятельный такой, красивый, за которым в Комарово на электричках в любой момент кинутся толпы сердечных поклонниц.

— Да, когда-то мне очень хотелось славы, и она, слава Богу, ко мне пришла. Но проходит время, человек меняется. Взростает. И понимает, что в таком ритме и качестве — оборванные телефоны, девочки в подъездах — жить очень тяжело.

Да и не надо. Появляются другие ценности. — Вы не жалеете, что живете и работаете в Питере?

— Наоборот. "Служенье муз не терпит..." Может быть, питерских актеров меньше видно, они меньше мелькают. Если говорить о кино, то чаще и больше я как раз работал в Москве. И наблюдал ту жизнь. Да, в Москве больше возможностей для встреч, личных контактов. Московские актеры и режиссеры между собой общаются постоянно, идет постоянная тусовка. Но я тусовку по-настоящему никогда не любил и не люблю. Хотя иногда и мне нужен праздник. И общение, и женское общество. Это — нужная часть, но не самая главная в той жизни, которой я живу сегодня.

Что же касается театральной работы... Не могу сказать, что я не смог самореализоваться в нашем Малом драматическом. У меня есть роли, и очень интересные. К тому же наш театр очень известен, хотя, правда, больше за границей, чем в своей стране.

Так завидую ли я своим московским коллегам? В каком-то смысле — да. Иногда думаю: вот там бы мне помогло личное общение, там у меня могло бы быть больше ролей... А иногда посмотрю фильм и думаю: слава Богу, что я в нем не снялся. История и время всех нас рассудит.

— Вы сказали о приятности женского общества. Вам нравятся красивые женщины?

— Сильно красивые — нет. Потому что, как правило, они на своей красоте заикаются, становятся бестолковыми, глупыми: не в том хорошем смысле, в каком глупой должна быть всякая женщина, а просто — глупой.

Меня несколько раз приглашали в жюри конкурсов красоты, приходилось общаться с претендентками. Хм. Приходили, кстати, не самые красивые — в моем понимании.

— А какие для вас — красивые? — Может быть, и не самые эффектные, но — добрые, сердечные, чуть пожившие и могущие понимать сердцем...

— А чисто внешне? — Я люблю русоволосых. Славянские лица, серо-голубоглазые.

Да и вообще, понятие о красоте сильно меняется с годами, со временем. Для меня возраст играет очень большую роль. Я не люблю юных. Может, когда постарею, мне и будут нравиться совсем молоденькие. А пока люблю женщин постарше, переживших многое.

— Ровесниц?

— Женщина начинает взрослеть и соображать — не в жизни (в жизни они очень рано начинают соображать), а о жизни, о судьбе — где-то после двадцати трех — двадцати пяти. А туда, вверх — нескончаемо, до бесконечности.

— А с какой западной женщиной-актрисой вы хотели бы быть в паре на съемках любовного сюжета?

— С Мэриэл Стрип, например.

— Игорь, простите за школярский вопрос. А может быть дружба между мужчиной и женщиной?

— Я считаю, что — нет. Если это нормальная женщина и нормальный мужчина. Либо это какие-то бывшие любовники: тогда со временем, ввиду обстоятельств, отодвинувшись друг от друга и поостыв, они могут дружить. Но все равно в этом есть какая-то ненормальность. Я, напри-

мер, не понимаю и не представляю, как можно женщине рассказывать о каких-то вещах, которые свойственны только разговору мужчин. Об этом можно говорить только с другом. Так что, мне кажется, в отношениях между мужчиной и женщиной прежде всего лежит нормальное природное влечение.

— Вам иногда по долгу службы приходится целоваться и обниматься с чужими малознакомыми женщинами. Как вы к этому относитесь?

— Профессия такая. Назвался груздем — полезай в кузов. Публичность — она, кстати, ка-

кое, нельзя сказать — "любил". Потому что это не проходит. Что — отряхнулся и пошел дальше? Чувства, правда, могут перерасти в прямо противоположные. Так тоже бывает. Те или иные — они все равно остаются.

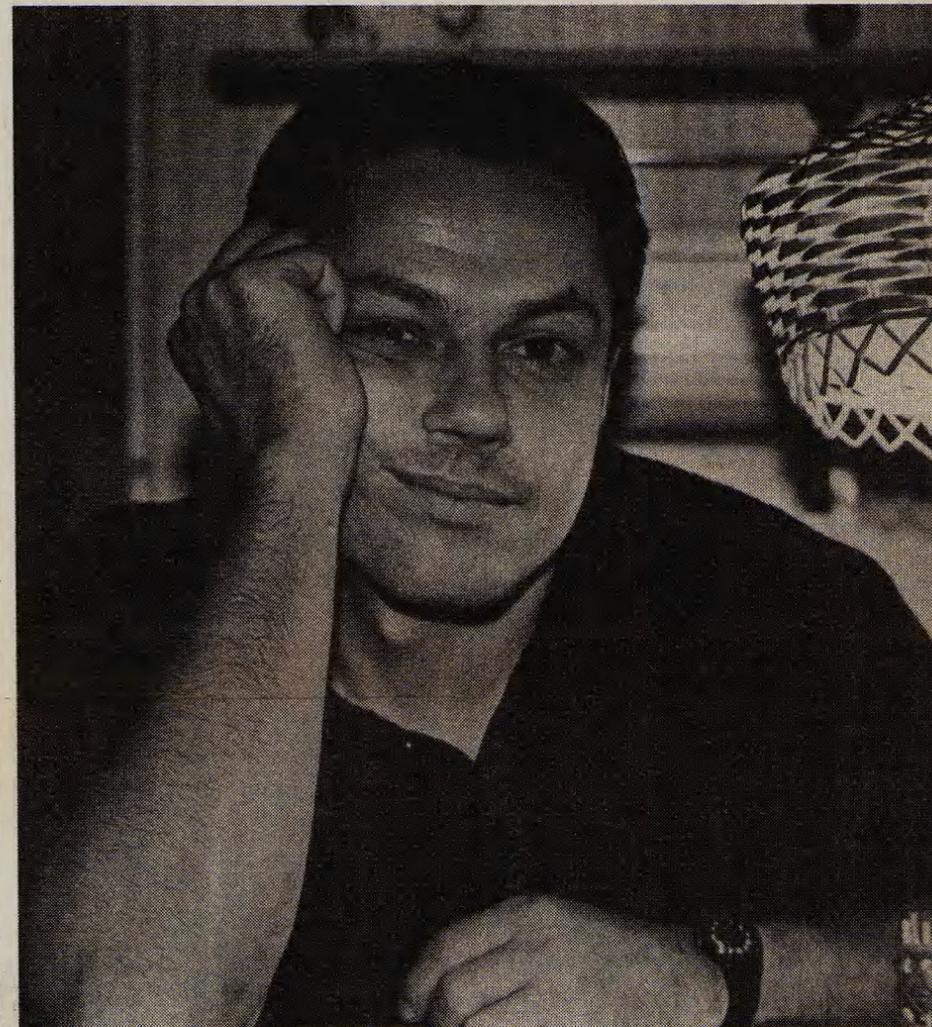
— Легко было играть с Чуриковой?

— Да как в жизни — по-разному. Интересно! Потому что она — замечательный человек и гениальная актриса.

На съемках картины "Год собаки" мы больше месяца жили в Старой Ладоге — красивой, заброшенной. Это была настоящая, хорошая такая работа. Так совпало, что в это время у меня

ДЖАЗМЕН ИЗ КОМАРОВА

Игорь СКЛЯР: "Люблю женщин постарше. Умных уже"

сается не только жизни актеров, но и политиков, например. Не случайно и папарацци появились: они хотят ВСЕ знать о жизни известных людей. И к этому всегда нужно быть готовым.

Потом, есть ведь искусство перевоплощения. Любовь сыграть сложно, просто невозможно. Поэтому хотя бы на тот период, пока партнеры "играют в любовь", они должны влюбиться друг в друга. И это происходит. А если не происходит, то тогда бывает и стыдно, и неудобно, и изо рта у партнерши как-то не так пахнет...

— И в Инну Чурикову вы тоже были влюблены?

— Конечно. И в Инну Чурикову. И в Лену Цыплакову. И в Ирочку Розанову. И здесь, навер-

оказался отпуск и не было мотаний туда-сюда, спектаклей. Мы безвыездно там жили, и снимались, и сидели ночами, переделывали сцены, репетировали...

И замечательно было, что режиссер — мужчина. Вот сейчас я снимался: и режиссер — женщина, и героиня — женщина. И когда две женские логики на тебя одного... Иногда ведь, во время съемок, и "милые слова" хочется произнести, а при женщинах это не всегда удобно...

— А где вы снимались?

— У Аллы Суриковой. А партнерша — Ирина Розанова. Только что закончили озвучивание.

— О чем фильм?

— Увидите.

— Пока дождешься...

— О любви. О провинциалах, рвущихся в Москву. Я там — богатый, но не очень удачливый бизнесмен из новых русских. И есть там две сестры — старшая и младшая. С младшей (Ирина Розанова) у меня в юности был роман. Хотели пожениться, но старшая (Таня Догилева) отбила, женила на себе, увезла в Москву. Жене я надоел, потому что — потаскун, пьяница, импотент... Да что рассказывать? Заканчивается все посадкой нового сада. Такой "Вишневый сад" наоборот.

— А главный режиссер театра нормально относится к тому, что вы пели на эстраде?

— Сейчас я и не пою. А тогда это не нравилось.

— Игорь, у вас квартира в центре города. Зачем вы еще строите дом в историческом пригороде — Павловске?

— Дом — это дом. Свой дом! Это мужское дело — оставить детям что-то после себя.

— Красивый будет дом? Большой? Двухэтажный?

— Да! Да! Хотя он отличается от тех домов, что возводят рядом богатые люди. Он у меня — не в высоту (каждый, вероятно, строит дом сообразно своим представлениям о высоте). Что-то наподобие швейцарского шале: каменный, но верх зашит деревом, с большой крышей, с большим крыльцом, с большим деревянным балконом во весь фасад.

— Туда теперь надо подвешивать контейнеры с ампельными цветами.

— И такое будет. Мы уже на зиму заложили альпийский газон.

— А вы своими руками там что-то делаете?

— Конечно. Электропилой, электрорубанком. И землю копаю, и сажаю.

— Картошку?

— Нет, картошки и капусты у нас нет. Из овощей только лук, чеснок и кабачки.

— У вас деревенские корни?

— А у кого их нет? Я не знаю ни одной даже королевской семьи, где не было бы сельских корней.

Я недавно похоронил маму. Ездил в родной Курск. И там было много родственников, в том числе — деревенских. Все мы родом из деревни.

— И еду, стало быть, любите простую, неизысканную?

— Люблю то, на чем вырос. Голубцы, пельмени, щи. Каши вот только не люблю.

— Вы — человек богатый?

— Пока строю дом, живем скромно.

— И жене не дарите подарки?

— Дарю. Я люблю, чтобы подарок был нужным и... ну, не дешевым: мы ведь действительно не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. На Наташин юбилей подарил ей колечко с бриллиантом. Долго выбирал в Москве. Она теперь посмотрит на руку — и сразу вспомнит.

— Вы жене дома помогаете?

— Да, могу и постирать, и погладить. В магазине за продуктами всегда езжу. Правда, посуду мыть не люблю.

— Про Малый драматический иногда говорят, что это театр-вампир. Ведь люди выходят после некоторых ваших спектаклей абсолютно без сил: все отдано действу. Вы действительно, отдавая себя зрителю, сами "подпитываетесь" его энергией, вампирите?

— Не знаю. Во-первых, чтобы отдавать, надо на сцену уже выходить с первоначальным капиталом. Попробуйте завоевать публику, когда она такая разная: кто-то вышел у театра из "Мерседеса", а кто-то пришел от метро. И всех нужно объединить.

Мне кажется, здесь процесс взаимоперетекания, как в сообщающихся сосудах. Так не бывает, что зал сидит равнодушный, а актеры сами от себя удовольствие получают, кайфуют от собственной игры. Так не бывает.

— Вы — верующий?

— Крещеный. Крест ношу. Но не догматик религии. И с Богом общаюсь часто без помощи церкви.

— Игорь, ваша жизнь удалась?

— В кино есть такая формула: "трус-катр", что значит — три четверти. Мне кажется, что пока мне удача подарила как раз ту самую одну четверть, которая в остатке...

— Всего одну четверть?

— Знаете, не надо ругать жизнь. Пока мы ее ругаем, она проходит.

В конце разговора я не выдержала: "Игорь, ну улыбнитесь хоть раз. Хоть в объектив". И тогда он сделал "чи-и-из!". Господи, какая у него улыбка!

Беседовала Галина ЛЕОНТЬЕВА.
Фото Валентина ИЛЮШИНА.
"МК" в Питере."